

Проблемы библиотковедческих и книговедческих исследований

Леонов В.П.

Библиотковедение как фундаментальная наука (постановка проблемы)

Проблемы библиотечной науки - библиотковедения (БВ) - рассматриваются в академической среде эпизодически и с точки зрения фундаментальной науки основательно еще не обсуждались. Единственный прецедент непосредственного участия Академии наук относится к началу 50-х гг. и касается не библиотковедения, а библиографии. Я имею в виду академическую подготовку второго издания монографии Н.В.Здобнова “История русской библиографии” [1].

Обстоятельства в силу разных причин сложились так, что общие вопросы библиотечного дела, БВ и подготовки библиотечных кадров в нашей стране разрабатываются главным образом в результате совместной деятельности представителей вузовской науки и крупных библиотечных центров Москвы и Санкт-Петербурга. Достаточно назвать имена таких ученых, как Ю.Григорьев, З.Амбарцумян, Г.Фирсов, Б.Эйдельман, В.Сахаров, К.Абрамов, З.Ривлин, Н.Карташов, Е.Каневский, О.Чубарьян, Н.Тюлина, Т.Каратыгина, А.Ванеев, В.Крейденко, Ю.Столяров, В.Скворцов, чтобы в этом убедиться.

Такое положение дел не отражает реального вклада Академии наук и академических библиотек в библиотечную науку и побуждает ученых к новому осмыслению ситуации и проявлению новых исследовательских инициатив. Приведу в доказательство только два аргумента. Первый аргумент касается истории главной академической библиотеки - Библиотеки Академии наук (БАН), второй - разработки академическими библиотеками научных методик библиотковедческих исследований.

Факты свидетельствуют, что государственная библиотека возникла на десять лет раньше академии. В “Царствующем Санкт-Петербурге, - записал первый русский историк Петербурга и помощник библиотекаря будущей БАН А. П. Богданов, - начала собираться по высочайшему указу Государя Императора Петра Великого с 1714 году” библиотека, которая “в Императорскую Академию наук соединена 1724-го году” [2]. Прежде чем утверждать что-либо, укажем на два возможных начала ее формирования. Одно, идущее из глубины веков, связано с опорой на традиционный русский путь; второе, совершенно противоположное - по замыслу Петра. Мы не располагаем сведениями о существовании у царя некоего цельного замысла. Его, видимо, не было вообще и складывался он спонтанно: исходя из опыта

собственного обучения, увиденного за границей, в переписке с учеными и общественными деятелями. Что можно утверждать совершенно четко, так то, что с момента рождения у царской библиотеки появились новые черты: принадлежать, как и прежде, государю и одновременно быть публичной, т.е. общедоступной: “Сия Государственная Библиотека употребляется для всех свободных наук, производимых при Императорской Академии наук, потом и для протчих охотников читателей книг, по дважды в каждую неделю всякому отворена бывает” [2]. Значение происшедшего и сегодня трудно переоценить. С маленького объявления в газете “Санкт-Петербургские ведомости” за 1728 год [3] в России начинает формироваться важнейшее правило библиотечной работы - обеспечение общедоступности универсального научного книгохранилища для всех читателей.

Напомню, что произошло это за восемь лет до открытия для посетителей в Париже королевской библиотеки, переименованной в 1795 г. Конвентом в национальную. Еще через шестнадцать лет (1753 г.) в Лондоне будет основана Библиотека Британского музея и, наконец, под занавес XVIII в. станет известно о создании еще двух библиотек - Императорской публичной в Санкт-Петербурге (1795 г.) и Библиотеки Конгресса США (1800 г.). Великолепное созвездие! Но та, которая “начала собираться” в 1714 году, будет обречена идти вперед, первой воспринимать удары судьбы, накапливать опыт, чтобы впоследствии щедро делиться им, постепенно превращаясь в самую крупную академическую библиотеку мира.

Имеющаяся в распоряжении исследователей хроника жизни государевой библиотеки Академии наук документирована отчетливо и точно, она составляет своего рода энциклопедию истории российской науки XVIII - начала XX вв. Но энциклопедия эта своеобразна: все вместилось в Петербурге, в городе, призванном преодолеть отъединенность создававшейся на государственной основе отечественной науки и культуры с иностранной, соединить их. Ведущая тема, положенная в назначение Библиотеки, оказывается направленной на формирование нового типа ученого, ученого российского, тесно связанного с мировой научной мыслью через доступность всех источников, несмотря на то, в каких странах и на каких языках они имеются.

Таким образом, чтобы постигнуть сегодня принципы формирования БАН, надо попытаться не только проникнуть в духовный мир молодого Петра, но и в истоки русской книжности, увидеть характерные, а главное отличительные ее черты, не похожие на те, что сложились в странах Западной Европы. Из противостояния личного начала и традиций начнет развиваться уже накопленный первоначальный фонд. Здесь ключ к пониманию особенности БАН как библиотеки изначально нерусской, построенной на принципах отъединенности от национальных книжных корней. В этом видится, в частности, естественность появления в царской библиотеке специально

приглашенных для работы иностранцев...

Шло время. Миновало тридцать пять лет с тех пор, как была написана коллективная монография “История Библиотеки Академии наук СССР. 1714-1964 гг.” (М.-Л.: Наука, 1964. - 599 с.). У этого фундаментального труда, подготовленного преимущественно историками - сотрудниками БАН и отпечатанного тиражом в 3,2 тыс. экземпляров, судьба оказалась странной. Невероятно, но факт: интересная уникальная книга прошла незамеченной в отечественной библиотечной литературе. В это трудно поверить. Но тем не менее, просмотрев основные издания и библиографические указатели за 1964-1968 гг., я не выявил ни одного серьезного отклика, за исключением коротких информационных сообщений. Аналитического же разбора богатой фактическим материалом книги обнаружить не удалось. Почему? Только ли потому, что она написана книговедами и историками, а не библиотекарями, или были какие-то веские “идейные соображения”? Учитывая повод и время подготовки монографии, издающую организацию, качество публикации, мне трудно найти формальное объяснение. Были, видимо, на то причины разные...

Назаченность “Истории...” в отечественной литературе сделала свое дело. Советским библиотековедам не удалось глубоко и всесторонне осмыслить феномен появления новой библиотеки в России XVIII века как особого духовного явления и оценить его последствия. Нет такой оценки и сегодня. Неполное представление о причинах возникновения БАН сказалось и на понимании специфики ее деятельности. Читая научную и учебную литературу, просматривая справочные издания, создается впечатление, что с момента зарождения она либо развивалась изолированно от отечественной библиотечной среды, либо, идя “своим путем”, сознательно сторонилась активного в ней участия. И то, и другое впечатление неверно. Очевидным же представляется факт, что с выходом итоговой монографии мировая история библиотечного дела XVIII - XX вв. может быть познана и изложена только с учетом влияния на нее Библиотеки Академии наук.

Изменилось время. Годы, прошедшие после публикации книги, были заполнены важными событиями, изменившими политическую карту нашей страны. За три десятилетия мир стал иным, и поколение конца 90-х годов XX века видит и воспринимает прошлое иначе, чем люди 60-х годов. К сказанному надо добавить, что появилось много новых источников по самым разным аспектам библиотечного и книжного дела, библиографии, были сняты цензурные ограничения, открыты архивы, недоступные в советский период; опубликованы исследования по узким, специальным вопросам. Даже такой поверхностный взгляд на Библиотеку побуждает нас к новому изучению и анализу всех периодов ее жизни.

Второй мой аргумент, касающийся влияния академической науки на библиотечное дело, связан с вкладом академических библиотек в развитие

методики научных исследований. Если говорить кратко, сюда относится разработка и формирование профессионального языка общения академической науки с Западом и Востоком посредством классификационных информационно-поисковых систем, превращения Академии наук в международный коммуникационный центр притяжения научной и общественной мысли, создание специфической информационной среды, основанной на постоянном применении новых информационных технологий. Особая тема об академическом читателе как научном феномене и библиотечных кадрах академической системы.

Возвращаясь к началу статьи, подчеркну, что существующая система взглядов на библиотечную науку, которую я называю функциональной или сервисной, начала создаваться с конца 20-х годов и получила теоретическое оформление в учебнике О.С.Чубарьяна “Общее библиотековедение” в 60-е годы, а затем развита в коллективном учебнике 1988 г. под названием “Библиотековедение. Общий курс”. Среди характерных черт сервисной концепции можно выделить следующее :

1. Опора на марксистско-ленинскую философию и идеологию, использование ее методологического аппарата, принципов, категорий при формировании библиотековедческой теории. Главным при этом становится разделение БВ на буржуазное и небуржуазное (советское) и поиски своих особых путей развития.

К таковым направлениям поисков относятся:

- разработка идеологически выдержанных схем классификации литературы, например, создание советской библиотечно-библиографической классификации (ББК);
- формирование особой системы руководства чтением, направленной на пропаганду идеологически лучшей литературы, с одной стороны, и изоляцию идеологически вредной через создание гигантской системы спецхранов - с другой;
- библиотечное обеспечение политики правящей партии.

2. Ярко выраженный классовый характер библиотековедения, прямая зависимость содержания работы библиотек от определенной общественно-экономической формации. При таком подходе к БВ преобладает инициирование его развития “сверху”, что является весьма характерным для авторитарных режимов власти.

Новый вариант БВ представлен в учебнике Н.С.Карташова и В.В.Скворцова, изданном Московским государственным университетом культуры [5]. “Библиотековедение, - утверждают московские авторы, - это многофункциональная наука, воздействующая прежде всего на библиотечное дело, а через него на общество, это система научных знаний, способных стать одной из производительных сил общества” [5, с. 40]. Основу библиотечного

дела образует триада: информация в виде публикаций, читатель и библиотека. Поэтому главная задача библиотековедения видится в обобщении результатов развития библиотечного дела как части культурно-просветительной и научно-информационной деятельности, удовлетворяющей потребности населения в произведениях печати и других документах посредством библиотек. При таком подходе к изучению библиотечного дела отчетливо просматривается прикладная направленность научных исследований, фрагментарность разработки вопросов управления и прогнозирования, использование преимущественно эмпирических методов исследования, сложность сопоставления полученных данных с таковыми в других условиях, отрыв от библиографии и от мирового библиотечного опыта.

Другими словами, БВ развивается под воздействием внешних факторов, прежде всего политических, экономических, финансовых и находится в сильной зависимости от уровня развития смежных научных дисциплин (педагогике, психологии, книговедения, информатики), внутри библиотечным же процессам уделяется недостаточное внимание.

Для того, чтобы БВ стало объектом фундаментальной науки, надо изучать его не методом мониторинга, наблюдая и фиксируя изменения, а сконцентрировать усилия на познании сущности библиотечных процессов и явлений, их природы, свойств и особенностей протекания. Мы исходим из того, что библиотечные процессы, как и библиографические, представляют собой разновидность социальных процессов - они универсальны, имеют место не только в конкретной библиотеке, но и в библиографических службах, которые не являются библиотечными учреждениями, а также в архивах, музеях, системе книжного дела и книжной торговли. Они носят устойчивый и непрерывный характер, а познание их создает предпосылки для прогнозирования дальнейшего развития.

Главным объектом библиотековедения, таким образом, становится не библиотечное дело и не библиотека как социальный институт, что само по себе важно, а библиотечный процесс в системе документальных коммуникаций. Под библиотечным процессом понимается последовательная, непрерывная смена следующих друг за другом моментов развития, например, формирования фондов, библиографирования, обслуживания, поиска и т.д.

Следует отметить, что библиотековедение является неотъемлемой частью системы социально-коммуникационных наук. Так, специальность 05.25.03 "Библиотековедение и библиографоведение" по ВАКовской классификации входит в более общий раздел 05.25.00, который называется "Информация и информационные системы". Сюда же входят и такие науки, как документалистика, архивоведение, книговедение и частично информатика. Это естественно, поскольку в системе документальных коммуникаций в обществе происходит движение библиотечно-библиографической информации,

обеспечивается ее устойчивая связь с потребителями и формируется новое знание.

Система коммуникаций, накапливая разные виды документов, выработала различные механизмы взаимодействия. В качестве одного из таких механизмов выделяют документные (библиотечные) и документографические (библиографические) системы, которые в социальной сфере призваны выполнять две основные функции: мемориальную и информационную. По своему назначению мемориальная и информационная функции тесно взаимосвязаны друг с другом, преобладание одной из них наносит ущерб другой, т.е. необходим поиск оптимального соотношения между ними¹.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что историко-культурные ценности в сервисной концепции рассматривались утилитарно, главным образом только с точки зрения представления и использования информации в нужное пользователю время. Забота об их сохранности была делом второстепенным. Достаточно сказать, что ГОСТы по реставрации и консервации 70-х гг. выводили вопросы сохранности из сферы библиотечной науки, и только в последние годы их стали рассматривать комплексно.

В библиотечно-библиографической деятельности я выделяю четыре типа процессов:

- формирование фондов;
- библиографирование;
- библиотечно-библиографическое обслуживание;
- сохранение фондов и сооружений.

Каждый из процессов имеет свою структуру, включающую:

- предметно-содержательные характеристики (т.е. специфические, сущностные только для данного процесса);
- характеристики продолжительности процесса;
- характеристики места его протекания;
- характеристики среды, в которой реализуется процесс.

Представленная структура иллюстрирует принцип, на основании которого можно вести поиск методических приемов описания процессов. Применительно к условиям конкретной библиотеки, музея, архива, службы информации каждый из четырех процессов протекает и, следовательно, проявляет себя специфически. Например, процесс формирования фондов в музее и в библиотеке преследует разные цели: от акцента на обеспечение особого режима хранения до предоставления в пользование. При этом, какие бы материальные носители или технические устройства ни применялись для

¹ Мемориальная функция направлена на сбор и сохранение документов, содержащих накопленные человечеством знания об окружающем мире с момента их оформления в виде документа и до наших дней. Информационная функция преследует цель представления сведений о документах и самих документов для научной и познавательной деятельности.

передачи информации, библиотечный процесс по своей сути является социальным. Следовательно, все перечисленные типы процессов универсальны и не имеют четко очерченных границ. Вместе с тем следует говорить об особенностях их протекания в определенный исторический период, в определенном месте и в конкретной среде.

Возникает вопрос: предпринимались ли попытки процессной трактовки БВ в отечественной науке? Такие попытки были. Приведу несколько примеров. В третьем издании учебника “Общее библиотековедение” (М., 1976, с.5) О.С.Чубарьян писал, что советское БВ - общественная наука, изучающая закономерности развития, свойства, характер и структуру библиотечного процесса как одной из форм массовой социальной коммуникации. Правда, далее указывалась цель, ради которой это изучение осуществлялось: “...книжное обращение и общественное пользование книгами в качестве средства коммунистического воспитания и подъема культурно-технического уровня трудящихся, важного канала распространения достижений науки и техники”.

В монографии Н.И.Тюлиной (Национальная библиотека: Опыт типологического анализа. - М.: Кн. палата, 1988. - 184 с.) имеется несколько параграфов, посвященных формированию фондов отечественной и иностранной литературы, обслуживанию читателей. К сожалению, сами процессы не описаны, а только сформулированы требования к ним.

В книге Н.С.Карташова (Формирование библиотечно-территориальных комплексов. - Новосибирск: Наука, 1978. - 240 с.) подчеркивается, что многочисленные и нередко родственные библиотеки мало связаны между собой библиотечно-библиографическими процессами. Территориальное объединение библиотек без взаимной связи между ними он называет библиотечной группировкой (с. 51).

Библиографы одними из первых почувствовали важность и эвристику прогрессивного подхода к библиографическим явлениям, разделив библиографическую деятельность на две составляющие: библиографирование и библиографическое обслуживание. Это позволило им в теоретическом плане идти впереди библиотековедов, однако задача полного описания библиографических процессов библиографоведами не ставилась (видимо, в силу причин, указанных в начале нашей статьи). В учебниках, монографиях, учебных пособиях процессам отведено незаслуженно мало места.

Чтобы установить ритм и цикличность библиотечного процесса, его место в культурных сферах, необходимо понять обстоятельства, которые формируют механизм его движения, определить причины ускорения или замедления темпов развития. Литературы по этим вопросам достаточно много. Следует заново обратиться к трудам историков, филологов, литературоведов и библиотекарей, чтобы разглядеть за многочисленными фактами то, что входит в предмет нашего изучения. Задача эта очень сложная, требующая тщательной

и кропотливой работы.

Как мыслится создание фундаментальной библиотечной науки? Если говорить кратко, суть предлагаемого подхода состоит в следующем [4; 6]. Я исхожу из того, что должна существовать единая наука о библиотечном деле, в основу которой была бы положена социологическая теория. Еще в 70-е годы Дж. Шири, американский библиотековед и автор книги “Социологические основы библиотечного дела”, писал, что “...фундаментальная библиотечная проблема - взаимосвязь между печатным словом и человеческим существом - представляет собой наименее изученное явление из всех форм человеческого поведения” [7, с. 8]. “Библиотеки удовлетворяли потребности человечества в передаче мыслей, идей и убеждений от одного поколения к другому. Как все это происходило, остается тайной” [там же, с. 12]. Чтобы приблизиться к разгадке этой тайны, помимо проблематики библиотечных процессов, необходимо изучать личность как библиотекаря, так и читателя. Таким образом, в социальном плане центральной проблемой библиотековедения становится человек, точнее взаимодействие библиотекаря и читателя, человека и общества в системе документальных коммуникаций.

Построение фундаментальной библиотечной науки есть дело будущего, притом не самого близкого. Если говорить о БВ как о науке в строгом смысле этого слова, то следует научиться оперировать огромным количеством исторических, социологических, лингвистических, логических, математических и других фактов, и тогда можно будет сделать обоснованное обобщение и построить долгосрочные прогнозы. Сегодня время для такого понимания БВ еще не пришло, потому что у тех, кто им занимается, нет соответствующего образования, и не под силу одному исследователю оперировать таким богатым и нестандартным материалом.

Можно задать вопрос: где, в каких ситуациях изучение библиотековедения может быть наиболее плодотворным? Чтобы на него ответить, нужно представить, в каких учреждениях и кто занимается научными исследованиями библиотечно-библиографических проблем.

Прежде всего это крупные универсальные научные библиотеки, имеющие, как правило, статус НИИ. В таких библиотеках изучается и обобщается их деятельность. Этим занимаются библиотековеды, имеющие большой личный опыт описания и обобщения конкретных этапов работы (комплектование, систематизация, обслуживание). В результате появляются итоговые исследования типа монографий Н.И. Тюлиной, О.Д. Голубевой, Н.Е. Добрыниной. Публикаций такого ранга в целом очень мало.

Существует и другой подход: ученые, работающие в универсальных библиотеках, объединяются со своими вузовскими коллегами. Здесь исследованию подлежит опыт уже не только крупнейших библиотек, но и ведомственных, а также региональных. В результате, например, появляются

книги по взаимодействию научных библиотек и формированию библиотечно-территориальных комплексов (Н.С.Карташов), по структурно-функциональному анализу библиотеки как системы (Ю.Н.Столяров), по проблемам общего БВ (О.С.Чубарьян). По количеству обобщающих публикаций этот подход значительно превосходит первый.

Возможен и обратный вариант: вузовские ученые совместно с библиотековедами ведомственных библиотек и служб НТИ разрабатывают пограничные темы, к числу которых можно отнести, в частности, концепцию специального библиотековедения, концепции взаимосвязей библиотековедения с информатикой и библиографоведением. Круг исследователей этого уровня довольно широк и по количеству публикаций особенно продуктивен. Назовем лишь некоторые имена: Г.Г.Фирсов, А.В.Соколов, А.И.Манкевич, Д.Е.Шехурин, В.И.Терешин, Ю.В.Григорьев, В.Ф.Сахаров, А.А.Моисеева, К.В.Лютова, А.Н.Ванеев, З.И.Ривлин и др.

Наконец, вспомним библиотекарей-практиков. Они изучают и обобщают местный опыт, обмениваются им и не претендуют на создание теоретических построений. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть некоторые годовые комплекты ведущих библиотечных изданий.

Каким же образом можно добиться нетривиальных решений? Думаю, что это возможно в результате взаимодействия профессионалов универсальных библиотек и вузовских ученых. Это будет способствовать преодолению замкнутости и фрагментарности исследований, формулировке и анализу реальных проблем БВ, обеспечится взаимосвязь БВ с другими дисциплинами.

Ситуация обратного варианта (научные сотрудники вузов и библиотековеды ведомственных библиотек и служб НТИ) носит локальный характер, поскольку обсуждение проблем идет на стыке наук, следовательно, объясняется (описывается) то или иное явление. В ней сложно выйти за пределы сформировавшихся представлений (теория по инерции продолжает идти сверху, а не формируется изнутри, из природы и свойств предмета изучения).

С моей точки зрения, оптимальный вариант создания условий для успешной разработки фундаментальных проблем БВ предполагает организацию специального библиотечного отделения в системе РАН или включения библиотечно-библиографической проблематики в уже существующие отделения, например, информатики или литературы и языка. Парадокс, но исторически сложилось так, что библиотеки и институты информации системы РАН, хранящие фонды огромной ценности и имеющие статус научно-исследовательских учреждений, проводят комплексные исследования по библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике и не имеют своего профессионального отделения в Российской академии наук. Мы защищаем кандидатские и докторские диссертации, издаем монографии, сборники, проводим научные конференции, комплектуем единый

академический фонд, занимаемся научными вопросами его сохранности и безопасности, обслуживаем читателей. В нашем распоряжении публикации отечественных и зарубежных авторов, которые отличаются богатством мыслей и обобщениями. Но эти исследования не создают единой библиотечной науки. Мы лишь фрагментарно, мозаично систематизируем знания и делаем теоретические обобщения. Каждый специалист оказывается связан с другим какой-то одной стороной своей научной деятельности. Безусловно, интересно провести сравнение этих взглядов, сопоставить мнения, сделать выводы и дать оценки, но все это еще не составит ткань единой науки о библиотечном деле. Это лишь подступы к ней.

Литература

1. Здобнов Н.Е. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 2-е.- М.: Изд-во АН СССР, 1951 - 512 с.
2. Богданов А.И. Описание Санкт-Петербурга. 1749-1751 гг. /Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. - С.Пб., 1997. - С.165.
3. Санкт-Петербургские ведомости. - 1728. - 26 ноября. - № 95. - С.383-384.
4. Леонов В.П. О новой парадигме библиотековедения//Библиотековедение.- 1994. - № 4.- С. 31-46.
5. Карташов Н.С., Скворцов В.В. Общее библиотековедение: Учеб. в 2-х ч. - М.: МГИК, 1996.
6. Леонов В.П. Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций.- С.Пб.: Библиотека РАН, 1995. - 139 с.
7. Шири Дж.Х. Социологические основы библиотечного дела/ Пер. с англ. В. В. Скворцова .- М. : ВИНТИ, 1973.—52 с.